

ЭННИ УОРА

ЭННИ УОРА ПРЕКРАСНОЕ ЗЛО

ПРЕКРАСНОЕ ЗЛО

Мэдди думала, что хорошо знает Иэна. Но после нескольких лет, проведенных на войне, он очень изменился. Цельми днями он сидел в подвале, в котором хранил арсенал оружия. Уверял, что не пьет, что никогда не причинит вреда Мэдди. Конечно не причинит. Особенно теперь, когда он лежит на полу. Недвижимый. Мертвый. После того как пытался убить ее подругу. Иэн не мог поступить иначе. Ведь Мэдди очень хорошо знала своего мужа. Вот только все ли он знал о ней?..

Для фанатов напряженных историй от Полы Хокинс и Лианы Мориарти.

Booklist

Запоминающиеся персонажи, замысловатый, интеллектуальный сюжет, который шокирует, пробуждает тревогу и вызывает бурю эмоций.

Publishers Weekly

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5788-7

9 786171 257887

ПРЕКРАСНОЕ
ЗЛО

ANNIE WARD

BEAUTIFUL
BAD

A Novel

ЭНИИ УОРД

ПРЕКРАСНОЕ
ЗЛО

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
У64

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

This edition published by arrangement
with Madeleine Milburn Literary, TV & Film Agency
and The Van Lear Agency LLC

Переведено по изданию:
Ward A. Beautiful Bad : A Novel / Annie Ward. —
New York : Park Row, 2019. — 368 p.

Перевод с английского *Олександра Оржицкого*

Осторожно! Ненормативная лексика!

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

ISBN 978-617-12-5788-7
ISBN 978-0-7783-6910-3 (англ.)

© Annie Ward, 2019
© Depositphotos.com / jannys-
tockphoto, chaoss, apparear-
again, обложка, 2019
© Netiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», перевод и худ-
ожественное оформление,
2019

Мэдди

За двенадцать недель до этого

«**Н**ужна ли мне помощь психотерапевта?» — напечата-
ла я.

Похоже, это был популярный запрос в «Гугле». Информации нашлось много. Бесконечные страницы тестов, которые должны были помочь тебе решить, нуждаешься ли ты в терапии и если да, то в какой. У психиатра или у психолога? Что является твоим основным расстройством? Тестов действительно была просто уйма. На их прохождение уйдет целая ночь. И, возможно, когда Иэн уедет, я ее на это потрачу.

Иэн перемещался по направлению ко мне, выдвигая и задвигая ящики.

— Не видела мою маленькую зарядку для телефона? — спросил он, хмурясь. — Переносную.

— Не-а, — ответила я.

Мой палец завис над клавиатурой ноутбука, готовый в любую минуту свернуть страницу поиска и переключиться на «Фейсбук», если он подойдет слишком близко.

Иэн вышел из комнаты.

Продолжим. Я начала просматривать опросники.

Некоторые были довольно незамысловатыми, с вариантами ответов «да» и «нет».

«Многие вещи в моей жизни вызывают у меня тревогу или страх».

Ладно, пусть будет «да».

«Я боюсь, что могу утратить контроль над собой, сойти с ума или умереть».

И то, и другое, и третье!

«Иногда я чувствую себя так, словно моим разумом управляет другой человек или существо».

М-м-м, нет. Но забавный вопрос.

«Я считаю, что что-то не так с моим внешним видом».

Я не сумела сдержать тихий смешок. Боже! Должно быть, составитель теста лично меня знал.

Некоторые вопросы были более чем странными.

«Ощущаете ли вы дискомфорт, когда:

- 1) поете в караоке-баре трезвым;*
- 2) танцуете в одиночестве в полутемном ночном клубе;*
- 3) звоните незнакомцу из своей спальни, даже если никто вас не слышит?»*

Возможно, я не была такой чокнутой, какой себя считала. Во всяком случае, я не могла представить себя в караоке-баре трезвой.

В комнату вновь ввалился Иэн, бормоча: «Часы — взял, телефон — взял, паспорт — взял...» Он взглянул на меня, однако его мысли витали где-то далеко. Я попыталась ему улыбнуться, но эта попытка отдалась мне болью в глазу. Мой палец вновь завис над клавиатурой на случай, если Иэн вдруг захочет посмотреть, чем я занимаюсь. На этот случай у меня была открыта страница в «Фейсбуке» с видео, на котором миленькие козлята прыгали друг другу на спину. Его только что опубликовала одна из моих подруг.

Следующий вопрос:

«Вы что-нибудь скрываете?»

Так просто и так прямо, что даже жуть брала. Словно кому-то было известно, что я думаю о вещах, о которых не должна думать.

Иэн не знал о моем плане обратиться за помощью.

Он бы этого не одобрил. «Они все — шарлатаны, знаешь ли, — сказал бы он. — Кроме того, у тебя все в порядке. У нас все в порядке. Все просто отлично».

Или же он мог сказать то, что сказал две недели назад. Как раз перед тем, как причинить мне боль.

«Ты испорченная маленькая сучка», — были его слова.

День убийства

Медоуларк был маленьким городком в полутора часах езды на юг от Канзас-Сити. Центр чрезвычайных ситуаций располагался в тесной комнатенке в самом дальнем конце одноэтажного кирпичного здания полицейского участка, напоминавшего общественный туалет у заправки. Было уже десять вечера, когда сидевший в одиночестве Ник Купер принял звонок.

— Девять-один-один, что у вас... — небрежно произнес он в микрофон наушников, открывая пакетик сахара, который собирался высыпать в свой кофе.

Однако Ник не успел закончить фразу.

В наушниках послышались безумные детские крики. Женщина шептала:

— Иди наверх, детка, прошу. — В ее голосе звучала сильнейшая тревога. — Прощу! Иди! Сейчас же! — А затем она внезапно закричала: — О боже!

— Что у вас случилось, мэм? — потребовал ответа Ник и, бросившись к компьютеру, пролил в спешке кофе.

Он убеждал себя оставаться спокойным, однако это сложно было сделать, слыша в наушниках полные ужаса крики ребенка. Пальцы Ника тряслись. На экране его компьютера высветился адрес.

— Прощу вас, мэм, вы можете...

— Скорее! — закричала она. — Прощу вас, помогите нам! Скорее!

На восьмой секунде звонок, поступивший с адреса Линкольн-стрит, 2240, прервался. «Нет!» — выдохнула женщина с отчаянием в голосе. Затем раздался звук, который, как предположил Ник, был звуком падения телефона на пол. Раздались короткие гудки. Ник попытался перезвонить. Безуспешно.

Он включил полицейскую радиочастоту.

— Возможное ограбление или домашнее насилие по адресу Линкольн-стрит, 2240. — Ник говорил так быстро, что его слова сливались воедино. — Женщина и ребенок внутри. Другой информации нет. Звонок прервался. Восстановить соединение не удалось. Конец связи.

Офицер Дайан Варга ответила через несколько секунд:

— Диспетчерская, 808-я. Направляюсь туда.

Схватив свой телефон, Ник нажал на кнопку быстрого набора номера Барри Шиппса. Из двух медоуларкских детективов именно Барри мог ответить быстрее, пусть у него и закончился рабочий день и он, вероятно, не был рядом со своей рацией.

— Это детектив Шиппс.

— Детектив, — сказал Ник, — это диспетчер. Если возникнет необходимость, вы сможете в ближайшее время выехать по адресу Линкольн-стрит, 2240?

— И даже больше того, — ответил Шиппс. — Я как раз заехал за продуктами в универсам «Кейси». Это совсем рядом. — Вскоре его голос раздался уже на полицейской волне: — Диспетчерская, это Шиппс. Двигаюсь туда.

Вновь послышался голос Дайан:

— А я сворачиваю с Виктории на 223-ю. Уже почти на месте.

— Принято, 808-я.

Ник едва не сказал ей быть поосторожнее, но сумел вовремя сдержаться. Каждый раз, сталкиваясь с Дайан в городе, он замечал, что начинает насвистывать «Кареглазую девушку» Вана Моррисона. Глубоко вдохнув, Ник положил дрожащие руки себе на колени.

Медоуларк являл собой рабочий городок с преимущественно белым населением, и по его окрестностям было разбросано множество старых семейных ферм. Он мог похвастать пивным рестораном под открытым небом под названием «Хитрая ворона», имеющим собственную пивоварню. Если в выходные дни стояла солнечная погода, деревенский шарм «Хитрой вороны» привлекал немало посетителей из Канзас-Сити. Помимо «Вороны», в городке было еще два классических ресторана: «Колесо» и «Гамбино». Наконец, внутри торгового центра «Уолмарт» располагался ресторан быстрого питания сети «Сабвэй».

На одном из перекрестков стояла декоративная каменная стена с выгравированной надписью «Чистые Ручьи», в этот район и свернула офицер Варга. Квартал был относительно новым, построенным всего шесть лет назад, так что продана была лишь половина земельных участков и несколько домов пустовали. Деревянные строения стоили не слишком дорого, однако при этом были просторными и довольно приятными на вид. Они располагались между двумя мелкими прудами, в окружении нескольких великолепных старых вязов.

Обогнув угол, Дайан заметила в переулке опрокинутый красный трехколесный велосипед. Его руль весело блестел серебром в свете фонаря, висевшего на крыльце за два дома до ее места назначения.

Дом по адресу Линкольн-стрит, 2240 был одним из самых больших в квартале. Он стоял посреди со вкусом оформленного пологого газона; из-за запущенного розового куста виднелся каменный фонтан терракотового цвета. У Дайан возникло ощущение, что здесь, в Чистых Ручьях, просто не может произойти ничего плохого. Жизнь местных жителей уж точно была лучше, чем ее собственная. Даже интуиция Дайан, когда она вышла из машины и взглянула на дом, не подсказала ей, что она оказалась на месте преступления.

— Диспетчерская, я на месте, — произнесла она в микрофон, закрепленный на нагрудном кармане ее форменной рубашки, и быстро зашагала по переулку к главному входу здания, по обе стороны которого росли вечнозеленые деревья.

Подойдя к двери, Дайан трижды громко постучала.

— Полиция! — крикнула она.

Ответа не было. Откуда-то поблизости непрерывно доносился визгливый лай потревоженной собаки. Дайан почувствовала, как ее пульс ускоряется. Да нет, ничего страшного произойти не могло, подумала она. Это же Медоуларк. И все же что-то подсказывало ей, что нужно торопиться. Надавив пальцем на кнопку дверного звонка, Дайан начала трезвонить. Однако звонки были единственными звуками, доносившимися изнутри. Ни шагов, ни скрипа ступеней. Ничего.

Сама дверь была деревянной, с декоративными окнами по обе стороны. Дайан заглянула внутрь, пытаясь что-то разглядеть сквозь текстурированное стекло. Первым, что она заметила, была пара высоких армейских ботинок, стоявших у самого входа. В просторном современном доме с его сверкающими полами из покрытого светлым лаком дерева они выглядели как-то неуместно. Планировка квартиры, судя по всему, была открытой, стилизованной под лофт: одна большая комната. Прямо у входа виднелась винтовая лестница, ведущая на второй этаж. У нижней ступеньки валялись пластмассовые обломки какого-то электронного устройства, вероятно городского телефона. Дайан слегка отклонилась, чтобы получить лучший угол обзора. Теперь она могла видеть большую часть интерьера.

И тут у нее перехватило дыхание.

Красивый деревянный пол был весь в красных пятнах. А посреди комнаты расплзлось алое месиво. Сердце Дайан бешено заколотилось у нее в груди. Ее надежды не оправдались: страшное, очевидно, уже произошло. А Ник еще упоминал о ребенке.

— Диспетчерская, я сейчас смотрю в окно, и внутри, похоже, много свежей крови, — сказала она в микрофон, осознавая, что ее голос звучит громче, чем она того хотела. — Возможно, есть жертвы. Нужны подкрепление и скорая.

Едва сдерживая панику, Дайан неловко вытащила из кобуры свой полуавтоматический пистолет Glock и, взяв его на изготовку, опять позвонила в дверь.

— Полиция! — крикнула она вновь, в этот раз гораздо громче и яростней.

Подержав дверь, она с силой толкнула ее плечом. Заперто. К тому же дверь была слишком крепкой, чтобы она смогла ее выбить.

Дайан ринулась к окутанной тенями южной стороне дома в надежде найти еще один вход. Она слышала на бегу, как Ник посылает по радиосвязи еще один тревожный сигнал, запрашивая поддержки всех свободных экипажей. Поскользнувшись в грязной луже, она едва не упала. Теперь стало ясно, что бешено лаявшая собака находилась на заднем дворе.

Пробежав вдоль ряда кустов, Дайан увидела кованый железный забор с калиткой. Калитка была сломана, поэтому ее примотали эластичным шнуром. Дайан стала с остервенением бороться с ее проржавевшими петлями.

— Давай же! — шептала она, чувствуя, что ее начинает охватывать отчаяние. Наконец калитка поддалась, издав ужасающий скрежет, словно кто-то царапнул когтями по школьной доске. Дайан уже вошла во двор, когда по рации раздались голоса двух других офицеров, сообщивших, что они уже едут.

— Шиппс? — спросила она. — Расчетное время прибытия?

— Пять минут, — послышался ответ.

— Принято.

Дайан наступила на что-то, издавшее громкий писк.

— Черт, — прошептала она и, опустив взгляд, увидела у себя под ногами собачью игрушку в виде утенка.

Глаза Дайан уже частично привыкли к темноте, и постепенно она сумела разглядеть разбросанные по двору изжеванные желтые теннисные мячи. У забора виднелась огромная песочница из зеленого пластика в форме черепахи. Рядом с ней стоял детский водный столик как раз такой высоты, чтобы маленький ребенок мог плескаться в воде, поливая из разноцветных чашечек вращающееся водяное колесо. Дайан подумала о красном трехколесном велосипеде, брошенном у соседского двора, и представила, как короткие детские ножки крутят педали, как велосипед с лязгом переворачивается, в то время как его маленький хозяин, начисто о нем позабыв, уже мчится на поиски новых приключений.

Значит, Ник оказался прав. Теперь Дайан была уверена, что ее первоочередной задачей является спасение ребенка.

Сквозь ставни на выходивших на задний двор окнах просачивался свет, и Дайан, пригнувшись, двинулась к двери. Теперь она наконец увидела лаявшую собаку. Точнее, их было две — два маленьких черно-белых бостон-терьера. Беспокойные, но милые существа, они явно пребывали в замешательстве, оттого что их не пускали в дом. Глаза собак были широко раскрытыми и влажными, и обе они, тяжело дыша, взволнованно бегали взад-вперед.

Дайан повернула дверную ручку.

— Задняя дверь не заперта, — сказала она в микрофон.

Первым отозвался Ник:

— Врачам уже сообщили. Они знают, что ты ждешь второго офицера, чтобы войти в дом. Я сказал им остановиться на Линкольн, 2218 и ждать дальнейшей информации.

— Поняла, — ответила Дайан.

Ник знал правила. Дайан, несомненно, должна была дожидаться второго офицера. Если она пойдет сама, то нарушит устав и у нее будут неприятности. Но, взглянув через плечо на песочницу, на водный столик, она решилась. Уж лучше потерять работу, чем ребенка.

Толкнув дверь, Дайан выставила ногу, чтобы не дать собакам вбежать за ней. Войдя, она тихо закрыла за собой дверь и бесшумно двинулась дальше. Оглянувшись, Дайан увидела, что бостон-терьеры, изогнувшись, встали передними лапами на дверное стекло, умоляя ее вернуться и пустить их в дом.

Задняя дверь вела в дальний угол нижнего этажа, где стоял круглый стеклянный обеденный стол с четырьмя стульями. На полу у стены лежала пустая бутылка из-под вина. Еще одна бутылка вина стояла на столе, а под ним виднелся изящный цилиндр водки «Столичная Элит».

Дайан не была особенным кулинарным снобом, однако ей стало очевидно, что за столом устроили посиделки гурманы. В его центре лежала толстая деревянная разделочная доска с остатками оливок, салями, крекеров, сыра и винограда.

Дайан пыталась сконцентрироваться на всем интерьере в целом, однако следы крови трудно было игнорировать. Даже если она поднимала глаза и смотрела в другой конец комнаты, она все равно видела пятна. Отвратительные и завораживающие одновременно.

Хотя помещение было открытой планировки, однако оно было всецело загромождено стульями, диванами, стеллажами, приставными столиками и торшерами. Куча мест, где можно было спрятаться. Дайан двигалась скрытно, держа пистолет наготове и беспрестанно перемещая взгляд с одного укромного уголка на другой.

Она обошла обеденный стол и поняла, что нужно ступать осторожнее: пол был усыпан маленькими и большими осколками стекла. Один из четырех желтых стульев лежал на боку, и его обивка была темнее в том месте, где на нее пролили жидкость. Рядом с ним валялась мокрая фотография.

Дайан наклонилась, чтобы рассмотреть ее. На фотографии были изображены две женщины. Брюнетки с развевающимися на ветру волосами. Они стояли на фоне необычного здания, в котором угадывались ближневосточные мотивы.

Дайан могла бы даже назвать его мечетью без минарета. Чем бы ни была пролитая на пол жидкость, она пропитала фотографию, и разглядеть черты лиц женщин теперь было невозможно. Дайан представила, как кто-то еще совсем недавно сидел за столом, держа эту фотографию в руках. Передаваясь воспоминаниям? «Помнишь, как мы?..» — «Да, я сейчас только принесу фотографию...»

Гостиную от кухни отделял стол в форме полумесяца. Вдоль него стояло несколько высоких стульев. Только когда Дайан отошла от обеденного стола, она сумела заглянуть за кухонную стойку.

Лужицы были разного размера, напоминая те, что остаются в переулке после ливня. Вот только их цвет был багровым. Тянувшаяся от них дорожка из капель казалась ожерельем из кровавых жемчужин. Резня произошла в промежутке между холодильником, раковиной и посудомоечной машиной. Стены и кухонная утварь здесь были сплошь заляпаны кровью. Дайан почувствовала, что к ее горлу начинает подкатывать тошнота. К приклеенным на дверцу холодильника картинкам с аккуратными домиками, человечками, пушистыми облачками и улыбающемуся солнцу теперь добавился кошмарный красный дождь.

Похожий на бусы кровавый след тянулся от маленьких лужиц на кухне к большому пятну в центре комнаты. Оно было размазанным, словно кто-то тер его шваброй. Дайан представила, как кто-то полз на четвереньках, прежде чем ему или ей удалось встать в последней попытке спастись. Дайан ощутила иррациональный порыв броситься бежать через весь дом и позвать ребенка. Однако, войдя сюда, она и так уже нарушила одно правило.

На противоположной стене комнаты висела овальная африканская маска с прорезями для глаз и рта. Маска глядела на Дайан с застывшим выражением ужаса на своем деревянном лице.

Дайан бросила через плечо полный тревоги взгляд на стол, выглядевший так, будто еще совсем недавно за ним пиროвала группа друзей, наслаждаясь вином и сыром. Затем она вновь посмотрела вперед, на кошмарные лужи человеческой крови, словно манящие ее пойти и увидеть своими глазами, что за невысказанный ужас случился в этом доме.

Мэдди

За десять недель до этого

Ее взгляд нет-нет и падал на левый верхний угол моего лица. В этот раз она отвернулась к окну своего кабинета, уставившись на искусственный пруд, однако вскоре уже вновь поглядывала на мои швы.

Я не знала, как все работает. На своем веб-сайте она пишет, что является «прежде всего сочувствующим и тактичным психологом, беспристрастным, не склонным к оценочным суждениям, достигшим серьезных успехов в использовании эпистолярной терапии». Блин, тогда прекрати на меня пялиться. Я сказала ей, что пришла потому, что хочу меньше нервничать.

Она улыбнулась — уже лучше — и произнесла жизнерадостным голосом ведущей телемагазина:

— Эпистолярная терапия включает в себя огромное множество очень полезных упражнений. Больше всего мне в них нравится то, что единственными ограничителями при их выполнении являются лишь ваше собственное воображение и те барьеры, которые вы сами для себя устанавливаете. Попробовав разнообразные подходы, мы увидим, — она склонила голову набок явно отработанным, но при этом удивительно привлекательным движением, — какой из них является лучшим для вас, Мэдди.

Я кивнула, и пряди, которыми я прикрывала левую часть лица, вероятно, слегка сдвинулись. Она хорошо умела держать себя в руках, однако ее любопытство было очевидным.

Неудивительно. Ушиб уже начал сходить, однако мой внешний вид по-прежнему шокировал.

Я почувствовала разочарование. Мне нужно было, чтобы терапия сработала, однако эта женщина оказалась не той, кого я ожидала увидеть. Эпистолярная терапия была для меня важной, а специалистов в данной области у нас в округе насчитывалось не так много. Когда мой выбор пал на доктора Камиллу Джонс, занимавшуюся частной практикой во втором городе штата Канзас — Оверленд-Парке, я представляла себе седую леди с добрыми глазами в замысловатом костюме.

Женщина же, которая меня встретила, Камилла, сперва сказала мне, что ее имя рифмуется с Памелой. Что? А еще попросила, чтобы я называла ее не доктор Джонс, а Кэми Джей. На ней была оголявшая плечо свободная цветастая футболка, штаны для йоги и бейсболка. Ненавижу быть придирчивой, но не могу не отметить, что спереди бейсболка была просто сплошь усыпана стразами. Они были повсюду в прямом смысле этого слова. Не тарашиться на них для меня было так же сложно, как для нее — не тарашиться на мое лицо. В своем центре эта россыпь стразов образовывала лилию. И это меня тревожило. Ей все-таки слегка за шестьдесят, пусть и выглядит она чертовски здорово. Впрочем, наверное, мне просто не хотелось, чтобы мой психолог своими видом напоминал мне инструктора по танцевальному фитнесу.

Наконец она взглянула мне в глаза.

— Мэджи?

— Да?

Не знаю почему, но я начала сжимать и разжимать кулаки. Раньше при длительном письме у меня возникал туннельный синдром, и так я избавлялась от боли в запястьях. Поняв это, я прекратила.

— Давайте облегчим себе задачу и сразу перейдем к делу. Я хочу, чтобы вы записали двадцать вещей, вызывающих у вас тревогу. — Она дала мне тетрадный листок в линейку

и ручку. — Старайтесь не слишком задумываться. Просто опишите то, что вас пугает, огорчает или нервирует. То, что первое придет в голову. Хорошо?

— Хорошо.

- Когда Чарли плачет. И вообще когда что-нибудь плохое случается с Чарли.
- Когда Иэн пьет водку в подвале. Или когда он не просыпается.
- Когда кто-нибудь расстреливает детей в школе или когда кто угодно безо всякой на то причины расстреливает кучу народа, но особенно детей. Мысль о том, чтобы держать оружие в доме, мне тоже не нравится.
- Когда гигантский грузовик врывается в толпу людей на набережной во Франции, давя всех без разбору.
- Террористы ИГИЛ.
- Звучит глупо, но меня пугает, когда я иду куда-то, где незнакомые люди садятся кругом и просят меня рассказать им о себе. Потому я больше не завтракаю у мамы в Медоуларке.
- Когда ближневосточного вида парень на соседней беговой дорожке уходит, оставляя свой рюкзак.
- Когда я зову собак, а они не приходят и я не могу их найти. (Наверное, из-за того, что это произошло вчера вечером. Они пролезли под забором, но их не сбила машина. Я залатала то место в заборе, где они выбрались.)
- Когда мои родители или Чарли заболевают. Боюсь новых смертельных видов гриппа.
- Когда Иэн уезжает работать в опасные страны. Всего, что может пойти не так.
- Похороны. Больницы и озера.
- Когда Иэн злится на Чарли.
- Что из диснеевской лагуны может выпрыгнуть аллигатор и выхватить маленького мальчика прямо из рук его отца.

- Когда мое сердце начинает бешено колотиться. Это обычно случается, когда я скучаю по Джоанне и думаю о том, что она, вероятно, до сих пор меня ненавидит.
- Утопление, особенно когда к берегу прибывает тела маленьких сирийских детей; после таких новостей я не могу прийти в себя несколько дней и мне снится, что Чарли тонет; иногда я боюсь, что собаки тоже могут утонуть. Боюсь приливных волн.
- Когда я беру Чарли в парк, а он исчезает и я не могу его найти.
- Тьма в некоторых людях. Вроде того парня в Германии, который заплатил другому парню, чтобы время от времени отрезать от него кусочек, а затем готовить и есть его.
- Когда Чарли плачет.
- Когда мне приходится оставлять Чарли с Иэном.
- Когда мне кажется, что со мной что-то не в порядке.

Я пододвинула листок к Кэми Джей, которую мне теперь, когда я пригляделась к ее ну очень обтягивающим расклешенным штанам в стиле семидесятых, так и хотелось мысленно назвать Кэми Попкой.

Она начала молча читать.

— Думаю, я повторилась, — сказала я. — Написала о плачущем Чарли дважды.

Она кивнула и вновь сконцентрировалась на моем списке.

— Повторение может о многом сказать.

Через несколько минут она вновь взглянула на меня, в этот раз даже не пытаясь скрыть свою заинтересованность. Ее глаза рассматривали шрам, тянувшийся у меня от губы до брови.

— Все еще болит?

— Когда улыбаюсь. Немного.

— Поэтому вы не улыбаетесь?

— Разве? Я уверена, что улыбаюсь.

В доказательство своих слов я улыбнулась.

— Вы уже ходили к пластическому хирургу?

— Нет. Но, думаю, все же придется.

По правде говоря, я всегда была одной из тех, кого моя бабушка называла прекрасной дурнушкой. У меня глаза странного бледно-серого цвета. Моя улыбка асимметрична, а в форме моего лица есть что-то лисье. Я никогда не была обделена мужским вниманием, однако отлично понимала, что моя привлекательность кроется в моей необычности. Так что я еще не решила, нравился ли мне мой новоявленный шрам. Иногда, когда я гляжу на себя в зеркало, мне кажется, что он очень хорошо отражает суть моей личности.

Кэми Джей кивнула, и ее глаза наполнились слезами материнского сочувствия. Она похлопала по моему листку.

— Вы очень склонны к тому, что у нас принято называть катастрофическим мышлением.

— Для меня этот термин в новинку.

— В нашу эпоху постоянного потока плохих новостей эта проблема начала встречаться все чаще и чаще. Иррациональная боязнь катастрофы. Очень легко представить, что крайне маловероятная трагедия случится с вами или с вашим любимым человеком.

У меня возникло желание рассказать ей о маловероятной трагедии, случившейся лично со мной, однако вместо этого я произнесла:

— Случайности бывают. В любой момент может случиться что угодно.

— Что угодно? Аллигаторы? — улыбнулась она, наклонившись вперед и подмигнув. — Немецкие каннибалы?

Я пожала плечами, однако затем, не сумев сдержаться, рассмеялась. Немецкие каннибалы.

— Однако есть кое-что еще, — сказала Кэми Джей, разом перестав походить на инструктора по танцевальному фитнесу. Теперь она была совершенно серьезной. — Вы

не против рассказать мне о своих отношениях с Иэном? Он — отец Чарли?

Я кивнула. Мне действительно хотелось рассказать ей об Иэне все. Правда, ведь это чудесная история. Однако внезапно я осознала, что не могу произнести ни слова. Мне трудно было даже думать о том, что произошло с Иэном. Я чувствовала себя так, словно меня парализовало. Язык не слушался, а в носу словно стояла мутная вода. Такое иногда случалось. Я хорошо помню, как меня удерживали под водой. Мое лицо тогда было всего в нескольких дюймах от поверхности. Глаза вылезали из орбит, а воздух был таким близким и манящим, что я открыла рот и вдохнула...

Вода полилась мне в рот и в горло. Я ничего не могла с собой поделать. Все казалось совсем другим.

— Прошу, скажите, где у вас туалет, — сумела произнести я, поднявшись на ноги. — Меня сейчас стошнит.

Мэдди

2001

Отец Чарли. Любовь всей моей жизни. Иэн. Впрочем, лучше я начну с самого начала.

Я была доброхотом. Как и многие мои друзья. Я жила в той части мира, которую большинство туристических справочников не считают нужным даже упоминать. А если они это и делают, то используют слова вроде «разоренная войной», «нищая» и «беззаконная». И любое из этих определений звучало для меня привлекательно. Меня будоражила возможность пожить в месте, которое иногда называли «самым темным и всеми забытым уголком Европы». Итак, я была в самом разгаре периода своего доброхотства, когда учила неимущих студентов английскому в одной из тех изолированных стран бывшего советского блока, которые все вместе принято называть Балканами.

Я жила в Болгарии, а моя лучшая подруга, Джоанна, — в соседней Македонии, малоизвестной, но очень взрывоопасной стране.

Иэна я впервые встретила на мероприятии по сбору средств. Звучит скучно, не правда ли? Однако сам Иэн был далеко не скучным.

Мы были в Охриде, популярном у туристов курорте в нескольких часах езды на юг от столицы Македонии Скопье, расположенном неподалеку от границы с Грецией. Здесь, на холме, у переливающегося в лучах солнца Охридского озера, сгрудились запущенные, но по-своему живописные каменные виллы. На самой вершине холма располагалась смотревшая на юг, в сторону Греции, идеально сохранившаяся куполообразная церковь Святого Иоанна XIII века, настолько красивая и спокойная, что даже не верилось, что поселок внизу раздирали распри. Если бы не практически осязаемое напряжение, царившее среди людей, бесцельно слонявшихся по извилистым улочкам и маленьким площадям Охрида, городок был бы просто очаровательным. Однако это был курорт, наполненный представителями двух враждовавших религий, и мне казалось, что люди смотрят на любого встречного со смесью кровожадности и подозрительности. Страна была на грани гражданской войны.

Сбор средств для Красного Креста был организован в формате «ужин + шоу» и проводился в обветшалой таверне на сваях, опасно нависавшей над илистыми водами озера. Джоанна работала с женщинами и детьми в лагерях беженцев по всей Македонии. На это благотворительное мероприятие ее позвала ее вашингтонская начальница, Элейн, предоставив ей два приглашения. Джоанна умоляла меня поехать вместе с ней за компанию.

У Джо была привычка заплетать свои волосы в косу, когда ей было скучно или когда она нервничала. Именно этим и были заняты ее пальцы теперь, и она сидела склонившись

над своей водкой с тоником, разглядывая своими ореховыми глазами робкого вида интеллектуалов, сновавших между большими столами, пытаюсь решить, где им следует сесть.

— Подумать только, — сказала она, — мы могли бы сейчас точно так же скучать где-нибудь еще.

— Бесплатная выпивка, — индифферентно ответила я.

— Может, просто уйдем? — спросила она, внезапно выпрямившись.

Ее глаза загорелись энтузиазмом.

— Если у тебя не будет неприятностей, — ответила я, открыто подстрекая ее к побегу.

Она поникла.

— Возможно, что-то и получится. Если ты сможешь мне поцеловать несколько задниц поважнее, думаю, мы сможем уйти в течение часа.

В тот самый момент в зал вошли трое мужчин. Один из них был очень высоким и, во всяком случае на расстоянии, казался ошеломляюще красивым. Я наклонилась к Джоанне и прошептала:

— Он в списке? Я бы вызвалась тебе с ним помочь.

Рассмеявшись, Джоанна тоже наклонилась:

— О, нет. Я его однозначно вижу впервые в жизни.

— Подожди-ка, — сказала я, рассмотрев спутников мужчины. — Это, случайно, не твой приятель, Деревенщина Бак? Из американского посольства?

— Вот черт, да, это он, — сказала Джоанна и, встав, помахала троице, приглашая их к нашему столу.

Деревенщиной Баком мы за глаза называли мистера Бака Снайдера, усатого военного атташе американского посольства, с бакенбардами и зубами как у зайца, которому Джоанна иногда звонила, чтобы обсудить безопасность в лагерях для беженцев. Прозвище Деревенщина Бак он получил после того, как, напившись во время ужина, начал хвастаться со своим южным произношением, что «этим

балканским женщинам, чувак, им все просто пофиг. Ты можешь говорить что угодно. Чувак, ты можешь делать что угодно. Но, если ты едешь с большим синим, ты обязательно вставишь свой член». «Большим синим» Деревенщина Бак называл свой американский паспорт.

Делая вид, что не следим за каждым их шагом, мы с Джоанной тем не менее ждали, подсядут ли они к нам. Коснувшись меня рукой, Джо произнесла:

— Спасибо, что приехала. Я так рада, что я здесь не одна.

Но мне не слишком хотелось, трясаясь в ужасном автобусе, ехать сюда по такому поводу. Конфликт между христианским большинством и растущим мусульманским меньшинством Македонии недавно вылился во вспышку насилия, и, как и везде в регионе, горные деревушки подобно промышленному выбросу накрыла мгла ненависти и ярости. В Македонии больше никто не чувствовал себя в безопасности.

Впрочем, Джоанна не выкручивала мне руки по поводу приезда. Мне нравилось приезжать к ней в гости, и я считала везением для себя, что после аспирантуры мы обе отправились в Восточную Европу. Однако поездка на автобусе, занимавшая от пяти до восьми часов, в зависимости от очередей на границе двух стран, была для меня действительно очень некомфортной. К тому же я устала от работы.

Я в тот момент как раз заканчивала четырнадцатимесячную программу Фулбрайта в Болгарии, в рамках которой преподавала английский в Софийском университете и работала над документальной книгой. Помимо этого, я еще и много путешествовала. В целом мою жизнь можно было бы назвать счастливой.

С Джоанной Ясински я познакомилась, когда мы обе, будучи ученицами старших классов, приехали летом в Испанию по обмену. Нашими общими увлечениями были лингвистика, испанские мальчишки на дискотеках, русские и немецкие

философы, а также группа «The Cure». В тот момент мы обе хотели быстро повзрослеть, чтобы стать переводчицами, и часто говорили друг с другом на мешанине тех языков, которые учили, приводя в бешенство окружающих, из-за чего они не хотели с нами общаться. Поэтому у меня долгое время не было друзей, кроме Джоанны, а у нее — кроме меня.

Джоанна закончила факультет международных отношений и стала работать в гуманитарной сфере, а я подалась в журналистику. В итоге нас обеих привлекла перспектива работы и учебы в странах бывшего советского блока, где мы могли применить свои знания славянских языков на практике. За прошедший год мы ездили друг к другу в гости более дюжины раз, так что совершенно не чувствовали себя одинокими.

Обменявшись приветствиями с несколькими гостями, Деревенщина Бак и его двое спутников двинулись через зал ресторана. Пока они шли от погруженного в полутьму входа к нашему столику, я сумела разглядеть их получше. Деревенщина Бак никогда не отличался красотой в принципе, однако рядом со своими высокими, стройными и широкоплечими приятелями он выглядел просто каким-то мышонком. Один из них был ангельской внешности кудрявым блондином с по-мультияшному большими голубыми глазами. Второй был тот, на кого мы с Джоанной сразу обратили внимание. Его внешность казалась идеальной. Ямочка на подбородке, мощные плечи. Он шел через зал, устремив взгляд на озеро, и был настолько погружен в свои мысли, словно находился здесь один и не боялся ничего на свете.

Его каштановые волосы были коротко постриженными по бокам и слегка взъерошенными на макушке. Он был одет в темные обтягивающие джинсы. А его торс... Это было нечто. От его вида у меня перехватило дыхание. Даже под этой ужасной абрикосовой рубашкой его грудь рельефно выделялась. В его одежде было что-то мальчишеское, и его наряд

больше приличествовал ребенку, одетому для школьного мюзикла. Со своими классическими чертами лица он гораздо естественнее смотрелся бы за столиком летнего французского кафе с чашкой эспрессо. Помню, что я тогда подумала, если бы он показался в своей абрикосовой рубашке в любой забегаловке моего родного городка Медоуларк в штате Канзас, его бы просто избили только за то, что он посмел войти.

Деревенщина Бак стал представлять нас друг другу так громко, что я заключила, что он уже успел набраться.

— Иэн и Питер, познакомьтесь с Джоанной и...

Он защелкал пальцами, указывая в моем направлении.

— Мадлен, — сказала я, указывая для ясности пальцем сама на себя.

— Точно. Теперь я тебя вспомнил. Иэн с Питером работают на британского посла. Они — из числа его новых телохранителей. Только что прибыли.

На другом конце зала старый аккордеонист в поношенном костюме начал наяривать на своем инструменте.

— Полагаю, ваше начальство тоже заставило вас ехать на этот фестиваль ботаников в свой выходной? — громко спросила Джоанна.

Деревенщина Бак раздраженно закивал, однако кудрявый светловолосый Питер наклонился и совершенно искренне произнес:

— Мне сказали, что после еды здесь будут народные танцы!

Джоанна расхохоталась в голос, и ее хорошенькое личико порозовело от удовольствия.

— А-а, тебя, похоже, не предупредили, сколько народных танцевальных шоу тебе здесь предстоит увидеть. Хорошая новость в том, что не все местные певцы поют голосом резаного барана.

Питер выглядел озадаченным. Он был прекрасен. Крупный, но миловидный. Мощный, но приятный. И не слишком умный.

Коснувшись его руки, Джоанна сказала:

— Садись ко мне. Ты теперь официально мой новый фаворит.

Я поглядывала на Иэна, который сел напротив меня. Кажалось, он был полностью поглощен чтением меню, не проявляя никакого интереса ни ко мне, ни к Джоанне. Иэн читал с таким видом, словно только что выпил яд, а там была написана формула антидота. Ни одно меню македонской рыбной таверны просто не могло быть настолько интересным.

Я решила, что тоже буду вести себя так, словно он совершенно меня не впечатлил. Через пару минут Иэн усмехнулся своим мыслям. Откинувшись на спинку стула, он закурил сигарету и положил пластиковый планшет с меню на исцарапанный стол. (Следует отметить, что на Балканах разрешается курить в ресторанах и даже в больницах.) Затем, задумчиво подняв бровь, Иэн произнес со своим очаровательным английским акцентом:

— Суку бы мне.

Джо просто не могла на это не отреагировать:

— У нас в Америке принято говорить «шлюху», а не «суку». А еще у нас, к твоему сведению, обычно не принято бравировать собственной распущенностью перед окружающими.

— Принято к сведению! Благодарю. Но, — добавил Иэн, указывая на свое меню, — боюсь, я вынужден настаивать. Мне нужна сука, причем немедленно.

Сказав это, он продолжил совершенно серьезным тоном:

— В противном случае я с горя сяду играть в покер и просто сожру за ним какого-нибудь чудака.

Наклонившись вперед, он уставился на меня своими карими глазами:

— А ты бы кого выбрала? Суку или чудака?

Он придвинул меню ко мне. Заглянув в него, я сразу поняла, что у человека, который перевел слова «щука» и «судак»

на английский как «сука» и «чудак», были серьезнейшие проблемы с орфографией.

— О, я однозначно сожрала бы чудака за партеечкой.

Иэн с любопытством взглянул на меня, и я тут же почувствовала себя той, кем он меня, вероятно, считал. На мне была старомодная бежевая водолазка, и я так и не распустила волосы после своей дневной лекции.

В довершение всего, читая меню, я надела очки. Наверное, я производила впечатление классической библиотечной мыши.

— Правда? — спросил Иэн. — Никогда бы не заподозрил в тебе картежницу. Ты кажешься такой милой девушкой.

Мои щеки запылали. Иэн улыбнулся мне с притворной застенчивостью, но по его глазам было видно, что он меня поддразнивает.

— Симпатичная рубашечка, — раздраженно ответила я. Он меня совсем не знал.

— Благодарю, — сказал Иэн, бросив взгляд на свою одежду.

Затем он развернулся вместе со стулом в сторону Джоанны, которая, несмотря на то что ее явно раздражала необходимость слушать рассказы Деревенщины Бака, заметила это движение и одарила Иэна улыбкой.

Беззубый восьмидесятилетний аккордеонист внезапно навис над нашим столом подобно гигантской летучей мыши. Я начала рыться в своем кошельке в поисках чаевых.

В конце концов Иэн и Питер покинули заведение вместе с Деревенщиной Баком, объявившим, что он хочет пойти в «местечко покруче». Мы же с Джоанной остались в таверне и еще несколько часов танцевали вместе с кудлатым старым аккордеонистом и его не менее растрепанными внуками, которые были частью выступавшего следом ансамбля.

Таковыми мы были в то время.

Мэдди

2001

После затянувшихся выходных с Джоанной я вновь села в автобус и отправилась по горной дороге из Македонии обратно в Болгарию, закрывая глаза каждый раз, когда мы, качаясь, ехали вдоль обрыва или катились вниз по склонам массивных утесов. Как обычно, водитель ехал гораздо быстрее, чем это было нужно, да и дорожное покрытие было в плачевном состоянии. Меня всю поездку тошнило, однако уже на середине пути я по какой-то причине начала задумываться о следующей поездке в Македонию.

С тяжелым сердцем я шла на свои последние занятия в университете болгарской столицы Софии. Мое пребывание там подходило к концу. Программа, в рамках которой я учила студентов по вечерам, была практически исчерпана. Вскоре мне предстояло вернуться домой, а этого мне очень не хотелось.

В центре расположенного в городской черте студенческого городка красовалось массивное главное здание в стиле барокко. Широкая лестница вела к четырем величественным колоннам, обрамлявшим высокие окна, по форме напоминавшие арки. Крыша была выполнена в виде громадного медного купола. Покрывавшая крышу нефритово-зеленая патина придавала ей причудливый вид.

Внутри, впрочем, здание было гораздо менее впечатляющим: несколько этажей аудиторий вокруг маленького внутреннего дворика; изрисованные студентами лестничные колодцы; кафетерий, который предлагал эспрессо в крошечных пластиковых стаканчиках, сигареты и крендельки с разными вкусами. От кафетерия до любой другой точки в здании тянулся след из кофейных стаканчиков и пустых упаковок из-под крендельков. Мусорки были переполнены. В университете не было ни уборщиц, ни туалетной бумаги, ни денег.

Вдобавок там было холодно. Моя аудитория располагалась на самом верхнем этаже. Большую часть зимы я вела занятия в куртке и перчатках, глядя на лес из вязанных шапок.

Тот год, прожитый в Восточной Европе, был особенно волшебным временем в моей жизни. Бродя по улицам Софии, я затруднялась сказать, что именно меня очаровывает в народе и культуре этой многострадальной страны.

Призраки были повсюду, куда ни глянь. Во всех балканских странах повсеместно виднелись некрологи с черно-белыми фотографиями недавно умерших на Балканах: они были прикреплены к телеграфным столбам и прибиты на деревьях, ими были оклеены автобусные остановки и стены домов. Глаза всех этих мертвых неотрывно смотрели на сновавших собак и жрущих шаурму пьяных подростков. У заброшенного кафе, построенного из кусков металлического сайдинга, сидя за пластиковым столом под зонтиком с рекламой пива «Загорка», играли в нарды двое морщинистых мужчин в засаленных шляпах. Я вдыхала запахи Софии. Жареное мясо с перцем, тлеющий мусор, доносившийся с гор свежий аромат сосен, не до конца скрывавший запах пота дешевый дезодорант, цветочные рынки, только что приготовленный попкорн. Такими обшарпанными, жалкими улицы балканских городов виделись не всем, однако меня они просто сводили с ума. И при этом я понимала, что мне вот-вот предстоит расставание с моим замусоренным городом. Я все бы отдала за то, чтобы остаться здесь еще хоть ненадолго.

Уже начинало темнеть, когда я, сев в ободранный трамвай, отправилась обратно в центр города, где находилась моя квартира.

Едва я успела бросить ключи на кофейный столик, как мой напоминавший своим видом музейный экспонат дисковый телефон начал пронзительно звонить.

— Алло?

В трубке послышался голос Кэролайн, редактора «Туристических справочников» американского издательства «Фодор», заказавшей мне несколько очерков об Испании сразу после окончания мной аспирантуры.

— Мы наконец-то разбиваем наше восточноевропейское издание по странам, — объявила она.

Это было лучшей новостью в моей жизни.

Кэролайн предложила мне написать серию статей о Болгарии для их справочника, который должен был выйти в 2003 году. По американским стандартам гонорар был маленьким, однако по болгарским меркам он считался просто королевским. Я буду путешествовать за счет издательства по всей территории моей любимой второй родины. Стояла середина мая, и приближалось восхитительное балканское лето. В Болгарии было множество диких пляжей, а ее захватывающие дух горы были просто мечтой для туристов. Ко мне может приехать Джо. Мы отправимся в Созополь, где она будет купаться в море, а я — читать на пляже. Нас ждут пикники из сочных бараньих отбивных, соленных салатов из помидоров и огурцов и посыпанной брынзой жареной картошки с хрустящей корочкой. Мы будем ходить босиком, загорать и пить белое вино в старинных, свободных от туристов рыбацких деревушках.

Я могла остаться. Меня охватило ощущение ничем не замутненного счастья и полной свободы. Я позвонила Джоанне, чтобы поделиться с ней этой новостью.

— Мне не придется возвращаться домой после окончания моей программы, — сказала я. — И у меня будет куча времени, чтобы ездить к тебе в гости. У меня есть ноутбук, так что я могу писать откуда угодно. До моего отъезда у нас есть еще целое лето.

— Ура! — орала Джоанна в трубку. — Потрясающе! Это, мать ее, самая лучшая новость за всю мою жизнь! Поздравляю, детка!

* * *

Следующим вечером я стояла в переулке у своего дома вместе с моим древним рыбым соседом мистером Миловым. Кто знает, сколько времени мы уже стояли там, обсуждая фантастические цены на хлеб и йогурт. Я как раз собиралась идти к себе в квартиру, когда к зданию подъехал черный мерседес и остановился рядом с нами.

Напоминавшие серебряных гусениц мохнатые брови мистера Милова тревожно поползли вверх. Пассажирское окно опустилось, и сидевший внутри мужчина в солнцезащитных очках произнес с сильным восточноевропейским акцентом:

— Мисс Брандт? Прошу вас проехать с нами.

— Никуда я с вами не поеду, — ответила я, расхохотавшись.

Однако затем я заметила, как на полном серьезе испугавшийся мистер Милов ловит ртом воздух.

Я схватила его за руку, но, прежде чем я успела хоть что-то сказать, задняя дверь распахнулась и я увидела Джоанну с бутылкой шампанского в руках.

— Прости, пожалуйста! — закричала она, выскакивая из машины. — С ним все в порядке? Вы в порядке? Это был сюрприз для Мэдди! Мы празднуем то, что ей пока что не нужно возвращаться домой! Мне так жаль.

Она подняла шампанское и произнесла со смущенной, виноватой улыбкой:

— Сюрприз!

Придя в себя, мистер Милов зашаркал прочь, бормоча что-то себе под нос и держась рукой за сердце.

* * *

Через час мы с Джо уже сидели за угловым столиком в ресторане отеля «Шератон», пили «Беллини» — коктейль из просекко и персикового пюре, — закусывая его карпаччо из говядины и копченым лососем.

— Я давно должна была нанести тебе визит, — сказала Джо, накалывая на вилку кусочек лосося. — Я была так занята. В последнее время ты ездешь ко мне гораздо чаще, чем я к тебе. А ведь ты живешь совсем недалеко. Пять часов езды. Максимум. Проще простого. И знаешь, что я тебе скажу? Так хорошо уехать подальше от всей этой ярости и ненависти, чтобы просто поотрываться здесь, с тобой. Этот лосось просто великолепен.

Она затараторила о своей задумке организовать для нас ближе к концу лета поездку в Черногорию, где мы сможем отдохнуть неделку на пляже в Будве.

— Нас захватят моя подруга Ана и ее друг, парень, который сдает там каждое лето свою квартиру, а сам живет со своим беззубым дядей под мостом или что-то вроде того. Но оттуда открывается прекрасный вид. Ана отправила мне по электронной почте фотографию, которую я покажу тебе, когда мы вернемся в твою квартиру. Но честно, Мэдди, там правда круто, а теперь, раз ты остаешься, мне не придется ехать туда одной. У меня отпуск с шестого августа до...

Зажужжал поставленный на виброзвонок телефон-слайдер, но Джо даже не подумала прервать свою веселую болтовню, пока все же не открыла его. Однако как только она сделала это, выражение ее лица резко изменилось. У Джо на лбу была маленькая венка, которая выдувалась, когда ее что-то огорчало. И я увидела, как эта венка начала пульсировать, а рука, в которой Джо держала телефон, затряслась.

— Вот дерьмо!

Закрыв телефон, она опустила голову.

— Что случилось? — спросила я.

Подняв взгляд, Джо глубоко вздохнула:

— Мне нужно вернуться в гробаный Скопье, мать его за ногу.

— Что?!

Літературно-художнє видання

Прекрасне зло
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Приходченко*
Редактор *І. А. Кір'ятська*
Художній редактор *А. В. Белякова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 13.05.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Прекрасное зло
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Приходченко*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *А. В. Белякова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 13.05.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Медді думала, що добре знає Ієна. Але після кількох років, проведених на війні, він дуже змінився. Цілісінькими днями він сидів у підвалі, в якому зберігав арсенал зброї. Запевняв, що не п'є, що ніколи не заподіє шкоди Медді. Авжеж не заподіє. Особливо тепер, коли він лежить на підлозі. Нерухомиий. Мертвий. Після того як намагався вбити її подругу. Ієн не міг учинити інакше. Адже Медді дуже добре знала свого чоловіка. Тільки чи все він знав про неї?..

Уорд Э.

У64 Прекрасное зло / Энни Уорд; пер. с англ. О. Оржицкого. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 384 с.

ISBN 978-617-12-5788-7

ISBN 978-0-7783-6910-3 (англ.)

Мэдди думала, что хорошо знает Иэна. Но после нескольких лет, проведенных на войне, он очень изменился. Целыми днями он сидел в подвале, в котором хранил арсенал оружия. Уверял, что не пьет, что никогда не причинит вреда Мэдди. Конечно не причинит. Особенно теперь, когда он лежит на полу. Недвижимый. Мертвый. После того как пытался убить ее подругу. Иэн не мог поступить иначе. Ведь Мэдди очень хорошо знала своего мужа. Вот только все ли он знал о ней?..

УДК 821.111(73)